

Критика и публицистика

Валерий
СДОБНЯКОВ

Нижний Новгород

Сдобняков Валерий Викторович. Родился в 1957 году на станции Нижняя Пойма Нижнеингашского района Красноярского края. Создатель и главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век». Автор тридцати книг прозы, публицистики, критики. Обладатель многих всероссийских и международных литературных премий. Награждён государственными наградами: медалями Пушкина и В память 800-летия Нижнего Новгорода, Благодарностью президента РФ, а также Почётной грамотой Нижегородской области и Почётным знаком главы Нижнего Новгорода. Секретарь Союза писателей России. Председатель Нижегородской областной организации Союза писателей России. Живёт в Нижнем Новгороде.

На сайте «Русская народная линия» я опубликовал ряд заметок о некоторых прочитанных мною книгах. Первоначально делал записи для своего дневника, но затем их обработал в отдельные самостоятельные тексты.

Всякая хорошая книга побуждает задуматься о прошлом и будущем, о том, что с нами произошло и происходит. Думал об этом и я, когда размышлял над фактами такой непростой русской истории. Впрочем – у какой страны она простая.

Как оказалось, к заметкам проявили интерес подписчики сайта. Тогда мы решили познакомить с этими текстами и наших читателей. Публикация подобных заметок уже состоялась в № 73, 77, 78 журнала «Вертикаль. XXI век». Теперь продолжение.

В.С.

О СТРАХЕ ПЕРЕД РОССИЕЙ И НЕНАВИСТИ К НЕЙ

«НАДМЕННЫЕ РЕЧИ» МОСКОВИТОВ И МИРОВАЯ ИСТОРИЯ

По книге Л.С. Семёнова «Путешествие Афанасия Никитина»

Из старой библиотеки (с верхних стеллажей) взялся за чтение книги Л.С. Семёнова «Путешествие Афанасия Никитина» (Издательство «Наука», Москва, 1980). Конечно, не наобум, а с чувством, что в событиях XV века найду переключки с нашим временем. И не ошибся.

Время потери своей былой мощи Золотой Орды. Интриги короля польского Казимира IV Ягеллончика. Русский Государь Иван III идёт походами на Казань, дабы обезопасить рубежи русского государства.

Одновременно сложная дипломатическая игра.

Россию в развитии торговли, всей экономики сдерживает отсутствие выходов к морям. Нужно договариваться с Астраханским ханством, с Крымским, вырывать из душных экономических, политических, военностратегических тисков. И русский Государь делает для этого необходимые шаги, принимает непростые решения.

В книге приводится цитата из сочинения К. Маркса – далеко не сторонника русской мощи:

«Изумлѣнная Европа была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на её восточных границах, и сам султан Баязет, перед которым она трепетала, услышал впервые от московитов надменные речи».

При Иване III прекращается обособленность Твери и Новгорода, причём в последнем шла борьба за влияние между теми боярами, которые ориентировались на Москву и теми, кто свои мысли направлял в сторону «Литовского рубежа».

Наконец, складывается управленческая структура государства. Наместники великого князя становятся властителями на местах, претворяя в жизнь волю Государя.

Теперь перенесём эти события на почву XXI века, заменив Золотую Орду на США.

Интригующих поляков и заменять не стоит.

Ну, а дальше централизация власти, воссоединение русских регионов в единое государство, прорыв к морям...

А изумление Европы – разве это в новинку?

В книге часто упоминается Нижний Новгород. А.С. Семёнов отмечает, что когда в городе Афанасий Никитин с соратниками прожил две недели, то он «был самой восточной из пограничных крепостей Русского государства. Сюда из Москвы посылали «заставы» для отражения набегов; здесь не раз соединялись конные и судовые рати для движения на Казань... До присоединения к Москве в 1451 г. город являлся столицей Нижегородского княжества. Здесь составлена Лаврентьевская летопись, древнейшая рукопись из дошедших до нас русских хроник»

«Здесь предел христианской религии с этой стороны» (Герберштейн в книге о Русском Государстве).

О Нижнем Новгороде я упомянул понятно почему – родной город.

Что же касается России, её отношений с Западом – то здесь всё неизменно.

Высокомерным, циничным, жадным и извращённым европейским правителям всегда казалось, что только они живут в «райском саду». Только им дозволено пользоваться всеми благами земными.

Русский народ в своей истории не шибко за этими благами гонялся (подтверждение тому и путешествие Афанасия Никитина), но когда обнаглевшие «мировые правители» начинали притеснять его, он неизменно «просыпался», показывал свою силу, мощь.

Только после этого чужеземцы, считавшие себя хозяевами «райского сада», вдруг начинали слышать «надменные русские речи». И далеко не только их!

Чем это для хозяев жизни неизменно заканчивается – мировая история знает.

РУССКИЕ МАСОНЫ И РЕВОЛЮЦИЯ

По книге Б.И. Николаевского

Только сейчас дошли руки, чтобы немного написать о прочитанной книге Б.И. Николаевского «Русские масоны и революция». Издательство «Терра», 1990. На титуле дополнительно указывается, что редактор-составитель Ю. Фельштинский. Он и уточняет во вступительной статье о дополнительных материалах (а их добрая треть книги – В.С.): «Все эти документы хранятся в фонде Б.И. Николаевского в архиве Гуверовского института (Станфордский университет, Калифорния, США) и публикуются с любезного разрешения администрации архива...»

Приводит Юрий Фельштинский и короткую биографию «собирателя коллекции, насчитывающей более восьмисот коробок, историка Бориса Ивановича Николаевского (1887-1966)».

«Сын священника, учился в гимназии в Самаре, а затем в Уфе. В 1903-1906 годах большевик, затем меньшевик.... В 1913-14 годах работал в легальной меньшевистской «Рабочей газете» в Петербурге... С 1920 года – член ЦК партии меньшевиков. В феврале 1921 года... арестован и после одиннадцатимесячного заключения выслан из РСФСР за границу... Постановлением от 20 февраля 1932 года лишен... советского гражданства... В эмиграции... написал книгу об Азефе («История одного предательства. Террористы и политическая полиция»).

Необходимо отметить, что исследователь вопроса действительно проделал немалую работу, чтобы собрать достоверные (надо полагать) данные о русских масонах революционного периода в России, для чего провёл беседы с видными представителями этого движения, оказавшимися в эмиграции. Николаевский встретился в Марселе с С.Н. Чхеидзе (1925), в Берлине с П.Н. Милюковым (1927), в Париже с А.Я. Гальперном (1928), в Брюсселе с Е.П. Гегечкори (1928), В.Я. Гуревичем (1930) и другими. Кроме этого была ещё переписка, отрывки из которой тоже публикуются в книге. Всё это даёт нам право считать, что Борис Иванович собрал вполне достоверные сведения о русском масонстве предсоветского периода.

В основной своей работе, помещённой в книге («Русские масоны в начале XX века») он довольно пунктирно, бегло раскрывает историю зарождения масонства в России, сразу предупреждая читателей: «Автор этих строк не только никогда не был масоном, но и вообще в сношение с таковыми вступал исключительно как историк, интересующийся различными моментами в давнем и недавнем прошлом нашего общественного движения. Таким образом, весь дальнейший рассказ – не показание очевидца, а лишь очерк, составленный на основании таких показаний, полученных мною от других лиц, имеющих прямое или косвенное отношение к масонской организации».

Мы вправе допустить, что эти лица не всегда были с собеседником откровенны, сведения, ими ему переданные, полностью достоверны. И всё-таки это интересный источник информации для размышлений.

Бегло пройдя ранний исторический период масонства в России, его затухание, Ю.Н. Николаевский, говоря о его возрождении в начале XX века, особо отмечает: «Первоначальным ядром этого возрождения... явилась группа лекторов и руководителей известной Русской высшей школы социальных наук, существовавшей в 1901-1905 гг. в Париже. В эти годы масонство французское переживало период своего, быть может, наивысшего подъёма». «Октябрьская амнистия 1905 г. открыла двери России почти перед всеми старыми эмигрантами – в том числе и перед теми эмигрантами и полуэмигрантами либерального лагеря, которые группировались вокруг парижской школы. Вернулись в Россию и те из них, которые в Париже вступили в масонские ложи; и судя по всем имевшимся в моём распоряжении указаниям, именно к этому времени, зиме 1905-06 гг., относится и оформление русских масонов в самостоятельную организацию... Известно, что русские ложи были утверждены Великим Востоком Франции, представитель которого даже специально с этой целью приезжал в Петербург».

Е.Г. Гегечкори в беседе с автором книги 7 августа 1928 года утверждает: в произносимой клятве принимаемых в братство вольных каменщиков были, кроме обязанностей «держатъ всё, что относится к организации, держатъ в тайне от всех даже самых близких людей», произносились и такие слова: «Если по моей вине тайна ложи разгласится и это повлечёт за собою её провал, то я признаю себя подлежащим смертной казни». Вступивший в ложу должен был быть готовым «принести в жертву интересы семьи и близких в пользу тех задач, которые преследует ложа».

Конечно, нас интересуют не какие-то организационные перипетии формирования движения в полновесную организацию, а его влияние на

приходившие в стране революционные события, свержение законной власти в России, разрушение государства... И тут любопытны факты, полученные в беседах с масонами в эмиграции. Так Александр Яковлевич Гальперн вспоминает: во время конвента, состоявшегося «летом, кажется, 1912 года в Москве», «докладчиком от Верховного Совета» Некрасовым было сообщено – «В России имеется всего около 14-15 лож, из них в Петербурге 5, 3-4 в Киеве, 1-2 в Москве, и по одной в Нижнем, Одессе и Минске». Этого, посчитали собравшиеся, вполне достаточно для самостоятельной организации, «наряду с другими Великими Востоками».

Встал вопрос о названии. И тут поднялся спор между русскими и украинскими ложами: «Грушевский требовал, чтобы в названии ни в коем случае не было слова «Россия»... отрицая вообще за Россией, как государственной единицей, право на целостное существование». В итоге сошлись на «Великий Восток народов России». «Очень характерной для настроений подавляющего большинства организации была ненависть к трону, к монарху... Это был патриотизм в лучшем смысле слова – революционный патриотизм... вопрос о формах будущей организации России обсуждался в ложах».

«Последние перед революцией месяцы в «Верховном Совете было очень много разговоров о всякого рода военных и дворцовых заговорах... Был ряд сообщений о разговорах и даже заговорщических планах различных офицерских групп.... Что меня поразило, это полное отсутствие преторианских чувств. Полный инфантилизм по отношению к царской семье. Политической активности в офицерских кругах было немного – преобладало пассивное ожидание неизбежного».

О революционных событиях начала 1917 года А.Я. Гальперн 16 и 18 августа 1928 года вспоминает так: «Группа руководящих деятелей Верховного Совета – Коновалов, Керенский, Некрасов, Карташев, Соколов и я – всё время были вместе, по каждому вопросу обменивались мнениями и сговаривались о поведении... известное влияние мы оказали, и это чувствовали наши противники; помню, тогда приводили слова Милюкова, который заявил, что «над правительством начинает тяготеть какая-то тайная сила»... Основная забота Верховного Совета в это время состояла в воздействии на левые партии, в целях удержания их в русле коалиционной политики... Большую роль играли братские связи в деле назначения администрации 1917 г. на местах».

Ну и в завершение этих воспоминаний вновь об украинском вопросе.

Осенью 1917 года на последнее заседание Верховного Совета приехали масоны с Украины, «чтобы раскрыть, по их выражению, глаза правительству на подлинные вождедения украинцев, которые в это время уже стояли на позиции полного отделения от России и склонялись к немецкой ориентации, и заставить Временное правительство бороться с этим сепаратизмом». Приехавшие из Киева масоны Григорович-Барский и Чебаков «горько сетовали, что правительство так далеко идёт в своих уступках».

Но дадим возможность высказаться по поводу готовящегося переворота и другим масонам. Так Н.С. Чхеидзе 24-26 августа 1925 года рассказал Б.И. Николаевскому: «только позднее, после очищения Галиции, после падения Львова и Варшавы... в ложах и в Верховном Совете встал вопрос о политическом перевороте. Ставился он очень осторожно, не сразу. – Переворот мыслился руководящими кругами в форме переворота сверху, в форме дворцового переворота; говорили о необходимости отречения Николая и замены его; кем именно, прямо не называли, но думаю, что имели в виду Михаила. В этот период Верховным Советом был сделан ряд шагов к подготовке общественного мнения к такому перевороту – помню агитационные поездки Керенского и других в провинцию, которые совершались по прямому поручению Верховного Совета; помню сборы денег на нужды такого переворота».

На встрече у Б.И. Элькина (8 января 1927 года) собиратель сведений

о русских масонах записал воспоминания П.Н. Милюкова: «Кн. Львов рассказывал Милюкову, что вёл переговоры с Алексеевым осенью 1916 г. У Алексеева был план ареста царицы в ставке и заточения. План был совершенно не продуман; что делать в случае сопротивления царя, никто не знал. Он не был осуществлён, т.к. Алексеев захворал и принуждён был уехать в Крым...»

Есть в книге и приложения. Одно из них – статья Г. Аронсона «Масоны в русской политике». Из всего приведённого автором материала я опять-таки процитирую только то, что касается подготовки переворота в России «путём дворцового заговора». Автор утверждает: «... работа масонов шла двумя каналами, не всегда соприкасавшимися между собой, хотя, может быть, имевшими общее, разумеется, тайное, руководство. Один из каналов шёл в направлении объединения элементов, могущих совершать самый «акт», поддерживавших связи в дворцовых кругах и контакты с военными (гвардия, генералы), другой канал связывал общественные круги, проникал в Государственную думу, оказывая воздействие на печать». И далее: «Так или иначе, между этими обоими каналами общественного недовольства масонство пыталось действовать в качестве «связующего звена», пыталось стать «закулисной дирижерской палочкой», чтобы «управлять событиями». Мельгунов считает, что в основную головку политического масонства входила тройка, состоящая из следующих лиц: Н.В. Некрасова, А.Ф. Керенского и М.И. Терещенко».

Прочитывая и перечитывая всевозможные материалы по истории революционного периода в Российской империи, я каждый раз убеждаюсь – враждебных сил, чья деятельность направлена против русского народа, множество. Эти силы умны, хитры и коварны. Как же нужно быть духовно крепким и сосредоточенным, чтобы противостоять им. Не поддаваться на благие обещания, не ждать от них «благ земных», не «вспыхивать» эмоционально, а трезво и вдумчиво оценивать происходящее вокруг.

БИЛИ ШОМПОЛАМИ И ЗАСТАВЛЯЛИ КРИЧАТЬ УРА «ВІЛЬНІЙ УКРАЇНІ І КОЗАЦТВУ» І ПРОКЛЯТІЯ КАЦАПМ

Из «Дневника» В.Г. Короленко 1917-1921 гг.

Прочитал «Дневник. Письма 1917-1921» В.Г. Короленко.

Кажется, давно о приведённых исторических фактах знал, но в памяти со временем многое затуманивается, стирается, становится не ясным, не конкретным, словно спрятаны они в сознании за некой пеленой, матовым стеклом. Но вот соприкасаешься с живым словом дневников, непосредственным впечатлением, переживанием – и всё проясняется. События более чем вековой давности становятся близкими, непосредственными, словно сам был им свидетелем.

Главное – тут невозможно не удивиться схожести происходившего тогда, в начале XX века тому, что испытает, переживёт Россия, русский народ в его конце. Об этой схожести в своих записях я писал не раз, и всё-таки каждый новый случай подтверждения повторяющейся истории не проходит для эмоций бесследно.

15 декабря 1917 года Владимир Галактионович записывает (а я эти записи буквально, практически слово в слово могу отнести к 1991 году):

«Их (большевиков, но замените на «демократов» ельцинского периода, получите ситуацию развала СССР – В.С.) «правительство» парализовано, убили общерусский патриотизм, вытравили сознание отечества в рабочей и солдатской массе и теперь областные патриотизмы одолевают их всюду».

«Россия теперь (СССР 1991 г. – В.С.), как червь, разрезанный на куски. Каждая часть живёт собственной жизнью. Казаки объявили свою республику...»

«Украина по традиции тоже хитрила и изменяла то и дело. И теперь она продолжает эту традицию по отношению и к революционной России. (Напомню, что Короленко в эти революционные дни живёт в Полтаве – В.С.) Носятся чудовищные слухи о сношении Рады с австрийцами, надо думать, неверные. Но, во всяком случае, они не говорят также, честно и откровенно, о воссоединении с новой Россией. Недаром теперь в качестве национального героя всё яснее выступает фигура Мазепы, от которого ещё недавно огромное большинство украинцев открещивалось».

Многие современные «политологи» как заведённые на всех российских телеканалах и в других СМИ продолжают упрекать власти РФ в том, что они «не работали с Украиной» и потому, мол, в 2014 году её власти и народ неожиданно заняли антирусскую позицию.

Я всегда иначе смотрел на эту проблему, приобретя в вопросе национализма некий опыт во время службы в рядах Советской Армии в середине 70-х годов прошлого века. Вместе со мной в казармах находились парни десятков национальностей, и только один национализм был явно выражен – украинский. Эту оценку я делаю не под влиянием нынешних событий. Нет. И писал я об этом раньше. И в своей недавней повести «Гауптвахта» вновь к больной теме вернулся (смотри публикацию повести в журналах «Москва» № 6 и «Вертикаль. XXI век» № 79 за 2023 г.), потому что описывая свою службу, невозможно было её обойти – разве что погрешив против истины и солгата.

Однако приведённые записи Короленко не хуже моих воспоминаний доказывают врождённую сущность украинского антирусского национализма. Ну, а такой, приведённый Владимиром Галактионовичем факт и вовсе проходит параллелью с недавними событиями в незалежной.

«Их арестовали, свели в Виленское училище, положили на стол, били шомполами (в несколько приёмов дали до 200-250 ударов), грозили расстрелять, для чего даже завязывали глаза, потом опять били и заставляли избитых проделывать «немецкую гимнастику» с приседаниями и кричать ура «вільній Україні і Козацтву» и проклятия жидам и кацапам».

Это проделывалось «рядовыми гайдамаками», вошедшими в Полтаву, «над совершенно невинными и непричастными даже к большевизму жителями». А при вхождении в город немецких войск комендант выразился так: «...что это не военная оккупация, а помощь «дружественной державы» свободной Украине» (запись от 1 апреля 1918 года).

Ну и много ли мы сейчас найдём отличий, разницы от того, как ведёт себя нынче «киевский режим»?

Но вернусь к параллелям, связанным с действиями М.С. Горбачёва, приведшими к распаду СССР и революционными событиями, приведшими к краху Российской империи. Потому что и тут события не просто однотипные, но буквально повторяющиеся.

Наше поколение помнит, как была объявлена разрядка, как резались советские ракеты и танки, как не побеждённая никем страна добровольно распустила Варшавский договор, вывела все свои войска из Восточной Европы, провела на военных заводах конверсию, чем оказались погубленными уникальные производства, технологии, научные разработки.

А что происходило в 1918 году? Обращусь к записи от 31 января в дневнике В.Г. Короленко:

«Сегодня в большевистском местном офицозе «Вісти ради» напечатан жирным шрифтом следующий «Декрет о прекращении войны»: «Петроград, 29 января. Именем Народных Комиссаров правительство Российской Федеративной Республики настоящим доводит до сведения правительств и народов, воюющих с нами, союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистического договора, Россия объявляет с своей стороны состояние войны с Германией, Ав-

стро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращённым. Российским войскам отдаётся приказ о полной демобилизации по всем линиям фронта».

«В первый ещё раз страна, – даёт свой комментарий произошедшему Короленко, – в сущности ещё не побеждённая, но с совершенно обессиленной волей, отказывается просто формально признать себя побеждённой и, как собачка, подымает лапки кверху, сдаваясь на милость и немилость... Случай во всемирной истории беспрецедентный, своеобразный и во многих отношениях знаменательный».

И замечание писателя от 8 февраля:

«Россия беспомощна, и Украина будет кромсать её вместе с австрияком! Теперь они, конечно, разинут рот и на Одессу...»

Мы знаем, к каким оккупациям территорий привёл декрет от 29 января 1918 года, как и то, к какой оккупации НАТО привела «разрядка», провозглашённая Горбачёвым.

И всё-таки живой голос дневников производит совершенно особое впечатление на нашу историческую память, задевает в ней самое непосредственное, живое.

Продолжу цитирование «Дневника» В.Г. Короленко.

Поймал себя вот на какой мысли – нет ничего более жестокого и кровавого, чем собственная смута в одной стране и гражданская война в ней же из-за разногласия в политических взглядах. Одни люди проявляют жестокость, пострадавшие усиливают её в отношении сторонников первых, и ситуация начинает развиваться стремительно и бесконтрольно. В международных войнах есть хоть какие-то моральные и юридические сдерживающие факторы. В войне между одним народом, внутри его, ничего подобного нет, и доходит до страшного зверства.

О ежедневных убийствах и расстрелах Владимир Галактионович пишет почти буднично, перечислением. Но вот один случай как бы более широко разъясняет.

«...молодой (или очень моложавый офицер; называет себя Черняев. Фамилия несколько известная: в земскую больницу привозили порой трупы с прищипленными на груди визитными карточками: есаул Черняев. (...) Черняев, человек с бледным, нездорового цвета лицом, очень скоро заявляет, что он тот самый, чьи карточки находили на трупах. По большей части это за грабёж. Одного собственноручно застрелил сегодня (...) Вообще, Черняев говорит, что собственноручно застрелил 62 человека... – И знаете почему? Я был как и все... Но когда я приехал в Романы повидаться с семьёй, то в это время большевики напали на нас, убили отца и мать, а жену... изнасиловали на моих глазах...»

Запись 17 января 1919 г. Автор заканчивает таким эпизодом:

«В эту же ночь произошло нападение на город повстанческих отрядов. Петлюровцы отступили (...) При этом четыре казака с офицером были застигнуты... Они спрятались в погреб и... все были убиты... этого офицера я, кажется, видел в этот вечер. Молодой brunet с незначительным лицом».

«ВСЯ ЭТА МРАЗЬ ХОТЕЛА ИСКОРЕНИТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЮ...»

«Дневник» К.И. Чуковского

Взялся за чтение «Дневника» К. Чуковского. Первый том с 1901 по 1929 год. После прозы Сургучёва это не совсем захватывающее чтение, но уж слишком давно собирался познакомиться с этой «обширной» книгой, на последней странице которой карандашом в своё время сделал такую пометку: «Подарено А.В. Ларионовым в изд-ве «Советский писатель» ул. Поварская, 11. Москва 24 апр. 2007 г. (Гроб с Ельциным в Храме Христа Спасителя)». Вон аж с каких пор у меня эти два тома на очереди.

Есть в первом томе на мой взгляд одна странность: совсем мало в нём упоминается о революционных событиях. Лишь короткие эпизоды показывают состояние людей в тогдашнем Петрограде: пала лошадь, и из её крупа кто-то вырезал «фунтов десять»; автор был в Доме литераторов, «у всех одёжа мятая, обвислая, видно, что люди спят не раздеваясь, укрываясь пальто»; «Юрий Анненков начал писать мой портрет... Он топит дверьми: снимет дверь, рубит на куски – и вместе с ручками в плитку» (1 ноября, 1919 г.).

А уж это наблюдение и вовсе дорогого стоит: «Бенкендорф рассказывает, что в церкви, когда люди станут на колени, очень любопытно рассматривать целую коллекцию дыр на подошвах. Ни одной подошвы – без дыры!» И это в только что богатейшей стране. Такова плата за смуту.

«6 ноября (1919 г. – В.С.) Первый зимний (солнечный) день. В такие дни особенно прекрасны дымы из труб. Но теперь – ни одного дыма: никто не топит».

Из записи от 11 августа 1921 года: «Литература это работа поколений – ни на минуту не прекращающаяся – сложнейшее взаимоотношение всего печатного с неумирающей в течение столетий массой...»

«Был вчера на панихиде – душно и странно. Прежде на панихидах интеллигенция не крестилась – из протеста. Теперь она крестится – тоже из протеста. Когда же вы жить-то будете для себя – а не для протестов?» (запись от 13 мая 1925 года).

Как точно на примере подмечена суть интеллигенции (вернее всего, тех, кто к ней себя причисляет) – вечно быть всем недовольной. Словно о сегодняшнем времени написал Корней Иванович.

Не мог пройти мимо такой записи в дневнике во втором томе от 5 июня 1930 года: «Вечером был у Тынянова. Говорил ему свои мысли о колхозах. Он говорит: я думаю то же. Я историк. И восхищаюсь Сталиным как историк. В историческом аспекте Сталин как автор колхозов, величайший из гениев, перестраивавших мир. Если бы он кроме колхозов ничего не сделал, он и тогда был бы достоин назваться гениальнейшим человеком эпохи».

Так оценивают время те люди (и, прямо скажем, не самые глупые и совсем политически не ангажированные), которые в нём непосредственно живут. Которым есть что с чем сравнить. И запись в дневнике сделана не для публичного оправдания, а себе на память. Как непосредственный отклик на происходящее в стране.

Мне множество раз приходилось призывать своих оппонентов не оценивать то, что происходило восемьдесят лет назад, в другую эпоху, с позиций сегодняшнего времени. Вывод из рассуждений будет заранее не объективен. Потому что любое событие имеет свою подоплёку, свои необходимые субъективные доводы и противоречия. Наконец – срочное решение ближайших экономических и политических задач, которые просчитать вперёд на десятилетия невозможно. Поэтому от всевозможных эмоций, заглядывая вглубь десятилетий, необходимо отказываться. Если, конечно, ставить цель более или менее объективно понять произошедшее.

Однако продолжу цитату: «Но, пожалуйста, – продолжает Тынянов, обращаясь к Чуковскому, – не говори об этом никому. – Почему? – Да, знаете, столько прохвостов хвалят его теперь для самозащиты, что если мы слишком громко начнём восхвалять его, и нас причислят к той же бессовестной группе».

Пройдёт время, и эти же «прохвосты» вновь для «самозащиты» начнут неудержимо порочить имя руководителя государства. Прохвосты всегда на той стороне, где безопасно можно топтать память любого из «гениальнейших людей эпохи».

Вообще же, на страницах дневника Корней Иванович выглядит как человек абсолютно антиполитичный. Это – до 1930 года. Что там будет дальше – увидим. Правда, в тексте отмечены пропуски. Их много. Но

я не думаю, чтобы подготавливая текст, комментарии к нему Е.Ц. Чуковский в 1997 году изъела из него политические оценки «сталинской эпохи», если бы таковые имелись. Сосредоточен Чуковский в записях большей части на литературных процессах в Стране Советов, на своих творческих перипетиях и на жизни семьи. В отношении последнего – трагичны страницы, связанные с болезнью и кончиной младшей дочери Муры.

Похоронив пострадавшую девочку в Алушке, Чуковские «жестким вагоном, нищие, осиротелые, смертельно истерзанные» приезжают в Москву.

Что же сильно удивляет в столице Корнея Ивановича?

«Похоже, что в Москве всех писателей повысили в чине. Все завели себе стильные квартиры, обзавелись шубами, любовницами, полюбили сытую жирную жизнь. В Проезде Худ. театра против здания этого театра выстроили особняк для писателей» (24 ноября 1931 г.).

Двумя днями ранее Чуковский описывает впечатление от посещения квартиры Кольцова в Доме правительства: «Роскошь, в которой живёт Кольцов, – после Алушки ошеломила меня. На столе десятки закусок. Четыре больших комнаты. Есть даже высшее достижение комфорта – почти недостижимое в Москве: приятная пустота в кабинете. Всего пять-шесть вещей, хотя хватило бы места для тридцати» (22 ноября 1931 г.).

Иными словами, новая власть попыталась удовлетворить все бытовые нужды советской творческой интеллигенции. Однако, не всё так гладко в отношениях писателей и околотитулярных чиновников.

Из посещения обеда у Пильника: «За городом. Первое впечатление: страшно богато, и стильно, и сытно, и независимо... у него форд очень причудливой формы...»

За столом происходит встреча с Андреем Платоновым: «Платонов рассказал, что у него есть роман «Чевенгур» – о том, как образовалась где-то коммуна из 14 подлинных коммунистов, которые всех не коммунистов, не революционеров изгнали из города – и как эта коммуна процвела, – и хотя он написал этот роман с большим пиететом к революции, роман этот (в 25 листов) запрещён» (27 ноября 1931 г.).

Видите, сам автор написанного произведения воспринимал его содержание совсем иначе, чем мы пятьдесят лет спустя. Время многое изменяет во взглядах и оценках на одно и то же событие – будь то в политике или литературе.

Попытался найти в своих книжных развалах роман Мариэтты Шагинян «Гидроцентральный», но так и не разыскал. Уж не в деревню ли я эту книгу отвёз? Почему решил посмотреть этот том в твёрдой и не очень-то привлекательной обложке, выпущенный издательством «Известия» в серии «Пятьдесят лет советского романа» в 1965 году?

В дневнике Чуковского есть упоминание романа вот в каком контексте. Он пришёл к уже тогда глуховатой Мариэтте, и она показала гостю письмо Сталина к ней, в котором говорилось о «Гидроцентрали». Роман И.В. понравился настолько, что Сталин хотел было написать предисловие к нему, но за неимением свободного времени этого не сделал, зато «просит её указать ему, с кем он должен переговорить, чтобы «Гидроцентральный» пропустили без всяких искажений. Письмо милое, красными чернилами, очень дружественное».

Можем ли мы сегодня представить, чтобы кто-то из сегодняшних руководителей страны с такой заинтересованностью откликнулся на новую книгу современного писателя?

Из советских руководителей большая библиотека, это известно, была у Н.И. Рыжкова. Но воспоминаний о его откликах на прочитанное мне не встречалось.

Вернулся ко второму тому «Дневника» К.И. Чуковского. Я уже говорил, что в тексте отмечено много пропусков. И всё-таки важно, что публикаторы не стали убирать «заблуждений» Корнея Ивановича (в дальнейшем,

в более поздние годы, Чуковский даст иные оценки и тридцатипяти годам в СССР, и личности И.В. Сталина), оставили его искренние переживания, которые позволяют нам более правильно судить о столь сложных, в политическом плане, годах, переживаемых страной в предвоенные годы.

В первую очередь это касается Сталина. Вот как Корней Иванович описывает появление Иосифа Виссарионовича на X съезде Комсомола 21 апреля 1936 года:

«Вдруг появляются Каганович, Ворошилов, Андреев, Жданов и Сталин. Что сделалось с залом! А ОН стоял, немного утомлённый, задумчивый и величавый. Чувствовалась огромная привычка к власти, сила и в то же время что-то женственное, мягкое. Я оглянулся: у всех были влюблённые, нежные, одухотворённые и смеющиеся лица. Видеть его – просто видеть – для всех нас было счастьем. К нему всё время обращалась с какими-то разговорами Демченко. И мы все ревновали, завидовали, – счастливая!»

Каждый его жест воспринимали с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства. Когда ему аплодировали, он вынул часы (серебряные) и показал аудитории с прелестной улыбкой – все мы так и зашептали. «Часы, часы, он показал часы», – и потом, расходясь, уже возле вешалок вновь вспоминали об этих часах.

Пастернак шептал мне всё время о нём восторженные слова, а я ему, и оба мы в один голос сказали: «Ах, эта Демченко, заслоняет его!» (на минуту). Домой мы шли вместе с Пастернаком и оба упивались нашей радостью...»

Когда мы теперь оцениваем прошлую эпоху (повторюсь), то вот это всё, эти взгляды, эти чувства необходимо учитывать. Как и то, как тот же Чуковский отзывается о Каменеве:

«Очень волнует меня дело Зиновьева, Каменева и других. Вчера читал обвинительный акт. Оказывается, для этих людей Литература была дымовая завеса, которой они прикрывали свои убогие политические цели. А я-то верил, что Каменев и вправду волнуется по поводу переводов Шекспира, озабочен юбилеем Пушкина... Мне казалось, что он сам убедился, что в политике он ломаный грош, и вот искренне ушёл в литературу – выполняя предначертания Партии. Все знали, что в феврале он будет выбран в академики, что Горький наметил его директором Всесоюзного Института Литературы, и казалось, что его честолюбие вполне удовлетворено этими перспективами... Мы, литераторы, ценили Каменева: в последнее время, как литератор, он значительно вырос... Понемногу он стал пользоваться в литературной среде некоторым моральным авторитетом – и всё это, оказывается, было ширмой для него, как для политического авантюриста, который пытался захватить культурные высоты в стране, дабы вернуть себе утраченный политический лик. Так ли это? Не знаю. Похоже, что так».

Любопытно в записях Корнея Ивановича для памяти и такое воспоминание, имеющее отношение к сегодняшним событиям на Украине.

2 июня 1943 года. Корней Иванович встретился в гостинице «Националь» с Шолоховым, который на следующий день улетаел на Дон. «Удивляюсь, – говорит Михаил Александрович, – легкомыслию Москвы. Жители ведут себя так, как будто войны и нету. Людям фронтовым это странно».

Ещё огромные территории СССР захвачены европейскими оккупантами. Только что закончилась Сталинградская битва (2 февраля 1943 года), впереди Курская битва (5 июля – 23 августа 1943 года), а народ в столице весел.

«Тверской бульвар в зелени. Нежно серебрится аэростат заграждения. На бульварах гомон и смех. Москва хочет быть легкомысленной. «Как много лишнего народу в Москве!» – говорил вчера Шолохов». Такую запись сделал Чуковский 3 июня 1943 года.

Легкомыслие и трагедия, смех и кровь, душевные и физические муки и безразличие «лишнего народа» почему-то всегда рядом.

Заканчиваю читать второй том дневника К.И. Чуковского. Со второй половины 50-х годов сначала робко, потом всё чаще и раздражительнее стало появляться обозначение тех, с кем автор не согласен, как «черносотенцы», «сволочи» и далее в этом роде.

Но вот я дошёл до заметки 1962 года, которую не могу здесь не привести:

«16-е июня. Суббота. (...) Откуда-то появилась у меня на столе ужасная книга: Иванов-Разумник «Тюрьмы и ссылки» – страшный обвинительный акт против Сталина, Ежова и их подручных: поход против интеллигенции. Вся эта мразь хотела искоренить интеллигенцию, ненавидела всех самостоятельно думающих, не понимая, что интеллигенция сильнее их всех, ибо если из миллиона ими замученных из их лап ускользнёт один, этот один проклянет их на веки веков, и его приговор будет признан всем человечеством. (...)».

Во-первых, кавалеру ордена Ленина и Лауреату Ленинской премии как-то вот так рассуждать о власти, хоть и бывшей... Но это ладно, вечная проблема.

А уж во-вторых – это вопрос более важный. Вспомним запись в дневнике от 22 апреля 1936 года. И зададимся риторическим вопросом: если уж так хочется бросить камень в прежнего руководителя СССР, то не стоит ли в первую очередь швырнуть его именно в «интеллигенцию», которая, обожая вождя, получая от него блага (квартиры день, машины) и почести (звания, ордена), восхваляла его до небес, влюблённо восхищалась им, писала о нём книги, сочиняла стихи и прочее, прочее, прочее...

Когда же так называемая интеллигенция была искренней? Почему она так легко меняет свои убеждения и «предметы обожания»? Откуда такая уверенность в собственной непогрешимости, в своём всезнательстве? И кто дал право этой интеллигенции судить? Если брать Чуковского, то в огромном тексте дневника крохотное место занимают – нет, не абзацы, а короткие случайные фразы – сочувствие в те года арестованным, оказавшимся в заключении. Почему-то в те годы эта тема не очень занимала интеллигента Чуковского.

А если заглянуть из 60-х годов прошлого века вперёд, в конец 80-х – 90-е, то становится неудивительным, что главными обличителями «сталинских репрессий» стали «интеллигенты» – дети и внуки тех, кто эти самые репрессии воплощал в жизнь.

И в этом, в этих примерах кроется глубокая ложь всяких внезапных политических прозрений. Никогда в позиции «прозревших» нет раскаянья. Но всегда осуждение и непомерная Гордыня!

Уж извините, но невольно приходишь только к таким выводам.

«СТРАНИЦЫ МОЕЙ ЖИЗНИ» Б.Б. ПИОТРОВСКОГО

Читаю воспоминания Б.Б. Пиотровского «Страницы моей жизни» (Санкт-Петербург, «Наука», 1995 г.). Давно купил её в Эрмитаже, но тогда только пробежал. Теперь же открыл – и увлёкся историей жизни директора Эрмитажа, написанной им самим.

Повествование увлекательное, в нём много места отведено вопросам археологии, научной деятельности, даны психологические портреты с любопытными наблюдениями, советских учёных Н.Я. Марра, И.И. Мещанинова, И.А. Орбели, В.В. Струве... всё это и должно быть присуще всякому талантливо написанным мемуарам. Но меня всегда (и возможно, в большей мере) интересует общий исторический фон того времени, в котором жил и работал повествователь. Те детали не столько быта, сколько политической обстановки, в которых мемуарист совершал свою научную, творческую или общественную деятельность. Потому что эти детали очень часто идут вразрез с устоявшимися историческими штампами, которые в то или иное время внедрялись в общественное сознание посредством пропаганды в угоду определённым политическим переменам.

Не собираясь с кем-либо polemизировать, отмечу лишь для себя ряд фактов, связанных с жизнью Бориса Борисовича – академика, лауреата Государственной премии СССР, Героя Социалистического Труда и прочее, прочее, прочее...

Он родился в семье, в которой и с материнской, и с отцовской стороны его деды были генералами. Отец будущего археолога – полковник. Никто из них ни в революционные годы, ни позже не пострадал. Увлёкшись в ранние годы историей, Борис со временем поступил в «педтехникум», затем в 1925 году в Ленинградский государственный университет. Опять же никак в правах ущемлён не был.

Можно сказать, что с этого момента жизнь Пиотровского связана с Эрмитажем. Студент, с навыками молодого учёного, привлекает к себе внимание видных отечественных учёных, тогда трудившихся в северной столице. Начинаются многочисленные командировки на раскопки, написание по их завершении отчётов и научных статей, Борис Борисович становится штатным сотрудником Эрмитажа. А значит, один из сложных периодов в жизни хранилища бесценных творений искусства и археологических артефактов проходил на его глазах. Я имею в виду их распродажу, начавшуюся в 1930 году. Так как вокруг этих событий много чего наговорено и написано, предоставляю слово непосредственному участнику этих событий, для чего приведу довольно обширные цитаты из воспоминаний Пиотровского.

Так в главе «Директора Эрмитажа А.А. Оболенский, Б.В. Лерман. Распродажа ценностей» он пишет:

«В январе 1930 г. начальник Ленинградского отделения Главнауки Б. Позерн известил и. о. директора Забрезнева о том, что по постановлению правительственной комиссии Эрмитажу надлежит отобрать музейные ценности для экспорта через Антиквариат. Для экспорта предусматривался отбор 250 картин, «в среднем не ниже 5000 руб. каждая», оружие из арсенала на сумму 500 тыс. рублей, скифское золото из Особой кладовой на сумму по соглашению с правлением Эрмитажа, и гравюры.

Это письмо было как гром при ясной погоде. Затем в том же месяце последовало письмо зам. зав. Главнаукой т. Вольтера о выделении для «нужд Антиквариата» предметов, относящихся к античному искусству, эпохи Ренессанса и готики, преимущественно изделий из золота, эмали, слоновой кости, драгоценных металлов».

(...)

«Сначала выделение предметов для Антиквариата производилось секретно, но уже в конце января в музее были созданы «бригады по выявлению и отбору музейных ценностей экспортного значения», а телеграммы о выделении определенных картин посылались открытым текстом. Уже в феврале первой из картин ушел с экспозиции «Портрет Елены Фурман» кисти П. Рубенса, в марте портрет лорда Ф. Уортона работы Ван-Дейка, а в ноябре со стены испанского зала исчез портрет папы Иннокентия X, шедевр Веласкеса.

В Антиквариате скопилось громадное количество разных предметов музейного значения, и среди них был бронзовый водолей в форме коровы-зебу с тельцом, на котором была вычеканена куфическая надпись. Заведующему Отделом Востока И. А. Орбели удалось обменять этот бронзовый, очень ценный предмет, на «золотую лицевую пластину иконно-мошехранительницы высокопробного золота, с пунктирной грузинской надписью» (Акт от 4 мая 1930 г.).

Сотрудникам Эрмитажа было горько получать такие телеграммы: «Подтверждаем первую телеграмму вместо Ван Дейк читать Ван Эйк 51501 Луполл»; «Передайте ходатайству распоряжение Антиквариата картины 1 Рембрандт Паллада 2 Рембрандт Татус (читай Титус) 3 Ватто Музыкант 4 картина стакан лимонада 5 Вамдондиана (читай Гудон Диана) А. Бубнов № 171-ш».

Большинство лучших картин было куплено министром финансов США Меллоном и ныне находятся в Вашингтонской картинной галерее, а рембрандтовская «Афина Паллада» попала к нефтяному королю Галусту Гюльбенкяну».

Как же была остановлена распродажа шедевров Эрмитажа? Вот как об этом вспоминает Б.Б. в главе «Чистка»:

«...многие ценнейшие экспонаты продолжали уходить в Антиквариат на продажу за границу. Реальной стала угроза скифскому золоту и сасанидскому серебру, которое в письме, подписанном Вольтером, именовалось «сассонитским». Размах продажи и ее форма вызывали тревогу, так как чувствовалась бессмысленность этого предприятия. Протесты в инстанциях против продажи успеха не имели. **Тогда И. А. Орбели написал письмо прямо И. В. Сталину, а Б. В. Легран решил-ся передать его через своего старого друга А. Енукидзе.**

Окончание этого эпизода последовало в главе «Иммунитетная грамота»:

«Однажды, в начале ноября, когда мы расходились после одного такого научного заседания, с Малого подъезда передали, что И. А. Орбели ожидает «командир» (тогда термин «офицер» был мало употребителен). Мы вышли вместе, офицер в форме НКВД передал И. А. большой пакет с грифом Ленинградского отдела НКВД. Когда И. А. нервно его вскрыл, то в нем оказался второй запечатанный конверт Московского отделения НКВД, **а в нем простой конверт, в котором оказалась записка на клетчатом листке из блокнота со следующим текстом: «Уважаемый т-щ Орбели! Письмо Ваше от 25-Х получыл. Проверка показала, что заявки Антиквариата не обоснованы. В связи с этим соответствующая инстанция обязала Наркомвнешторг и его экспортные органы не трогать сектор Востока Эрмитажа. Думаю, что можно считать вопрос исчерпанным. С глубоким уважением. И. Сталин. 5-Х1-32».**

Это был ответ на письмо, переданное через А. Енукидзе.

Разумеется, оно стало иммунитетной грамотой для всего Эрмитажа. Сначала все западноевропейские экспонаты, предназначенные для отправки в Антиквариат, были объявлены связанными с Востоком (по изображению на них восточных изделий, в частности ковров, или же по другим очень отдаленным мотивам), а позже вообще прекратились требования на передачу эрмитажных предметов в экспортные органы и стали возвращаться непроданные за границей музейные ценности. **Это явилось большой победой здравого смысла, и кончился черный беспокойный период жизни Эрмитажа.**

Значительно позднее, уже в 70-х годах, во время вернисажа по случаю открытия одной из выставок, американский консул в Ленинграде принес и тихо положил на стол моего заместителя В. А. Сулова журнал, в котором подробно описывалась история продажи эрмитажных картин и назывались имена акул, которые хотели на этом деле поживиться; среди них был и Арманд Хаммер, выторговывавший «Мадонну Бенуа», но, к счастью, безрезультатно».

Так можно ли приписывать распродажу экспонатов Эрмитажа И.В. Сталину? Может справедливее признать, что именно Иосиф Виссарионович её остановил?

Часто приходится читать в литературе, посвящённой репрессиям утверждение, что в 30-х годах в СССР творился хаос беззакония. Судя по содержанию «Страниц моей жизни» это не совсем так и даже можно утверждать – совсем не так. Хотя политическая атмосфера в стране, безусловно, накладывала свой отпечаток в столь непростое время.

В той же главе «Чистка» описан такой эпизод:

«Летом 1931 г. в Эрмитаже работала комиссия Рабоче-крестьянской инспекции по чистке государственного аппарата. Возглавлял ее рабочий тов. Воробьев, который от культуры был далек, но и много

советчиков. Пострадало немало старых и нужных музею работников. По 1-й категории (без права работы) были «вычищены»: А. А. Ильин, А. Н. Кубе, Л. А. Мацулевич. По рассказам, особенно неприятное впечатление произвела на всех «чистка» Ильина. Старый и очень уважаемый ученый стоял перед всеми, подперев рукой голову (он был частично парализован), а на него нападали бойкие ребята А. Н. Бернштам и Е. Ю. Кричевский; к ним присоединился О. О. Крюгер. (...) Так, М. И. Максимовой, «вычищенной» по 3-й категории (без права работы на два года), были предъявлены обвинения: «...участие в реакционных группировках и монархических изданиях, связи с контрреволюционерами белоэмигрантами Европы, сотрудничество в контрреволюционном белоэмигрантском журнале». **По апелляции Максимовой эти обвинения в феврале 1932 г. были сняты, решение Ленинградского городского и областного РКИ было отменено, ей было разрешено работать по специальности и поступить в Эрмитаж «на общих основаниях»; предписывалось «трудсписок» заменить новым, исключив из него запись комиссии по чистке соваппарата.**

Восстановлены были А. Н. Кубе и Л. А. Мацулевич, а А. А. Ильин был реабилитирован позднее. До рассмотрения апелляции они продолжали работать в музее. Некоторые из «вычищенных» были восстановлены с объявлением строгого выговора (вероятно, за «скрытие социального происхождения»).

Сохранилась справка о «засоренности аппарата Эрмитажа». В ней указывается, что белогвардейцев и жандармов нет, офицеров старой армии 7, фабрикантов 1 (А. А. Ильин), детей служителей духовного культа 5, из торговцев и купцов 4, дворян 55.

Таким образом, чистка прошла бурей, причинив небольшие разрушения, которые были восстановлены».

Если взять современную статистику в России по отмене решений нижестоящих судебных органов, то она будет явно в пользу прошлых лет, про которые повествует Пиотровский. Но наши «политологи» продолжают тадычить: «сталинские репрессии», «беззаконие», «бесправие»...

Многое изменилось в стране после убийства в Смольном С.М. Кирова. Под увеличенное внимание бдительных граждан и органов НКВД в связи с этим попало собрание молодёжи у одной из своих сверстниц – отмечали Масленицу. И этот эпизод Пиотровский также описал в своих воспоминаниях:

«ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ, АРЕСТ»

«Вечер был прерван, всех гостей вызывали в соседнюю комнату «на беседу», после чего хозяйку и ее знакомых арестовали, но вместе с тем прихватили и трех археологов: меня, А. П. Круглова и Ю. В. Подгаецкого. С остальных взяли подписку о невыезде из Ленинграда. Нас погрузили в арестантскую машину «черный ворон» и отправили в Ленинград, на Шпалерную. (...) Ночью был первый допрос с намеком, что мы обвиняемся в участии в террористической организации и должны чистосердечно раскрыть ее планы. Сначала меня отвели в маленькую камеру, вроде шкафа со скамейкой. Там я думал просидеть до утра, но за мной пришли и повели в камеру, отделенную от коридора решеткой. Она была переполнена (...) После третьего дня пребывания в камере я начал понимать, что дело осложнилось... (...) Привык я к тюремному распорядку скоро, с аппетитом пил утренний и вечерний чай с хлебом. Довесок к хлебу прикреплялся спичкой. Привык к постоянному супу из камсы, мелкой рыбки, и каши...

По прошествии нескольких дней меня вызвал следователь Ярошевский и посоветовал подумать и сообщить сведения об организации, подчеркнул, что я получил образование от Советского Союза и должен ему помочь. Когда я развел руками, то он посоветовал подумать еще. Так я и думал сорок дней и не мог ничего понять. После третьего коротко-

го свидания со следователем я подписал бумагу о том, что я ни в какой организации не участвовал и ни о какой организации не знал. Через пару дней, 19 апреля, охранник крикнул из-за решетки: «Пиотровский, готовься с вещами!». Мне вернули все, что у меня было...

В Эрмитаже меня приняли хорошо, сразу же допустили к работе, а в ГАИМКе сообщили, что я и Подгаецкий уволены по сокращению штатов. (...) ...мы решили обратиться в профсоюз с просьбой о восстановлении, так как сокращения штатов в Академии не было, а мы освобождены без последствий.

Областной комитет профсоюза работников высшей школы и научно-исследовательских учреждений только 1 июля вынес решение об отмене утверждения увольнения комиссией ГАИМК и предложил обратиться в суд. Так мы и поступили. (...) Суд состоялся только в сентябре, представитель Академии ученый секретарь В. И. Селиванов робко повторял о сокращении, но всё за несколько минут было решено в нашу пользу. (...) С исполнительным листом я явился в ГАИМК и попросил меня восстановить уже по совместительству, так как я уже перешел на основную работу в Эрмитаж. Меня восстановили по приказу от 29 сентября с 5 августа. Вскоре все забыли о том, что я выбывал из Академии, и всё пошло своим чередом; те, кто отказывал в восстановлении, стали мило улыбаться.

Те факты, которые я привёл, не говорят о том, что не было безвинно пострадавших. Были. И академик их имена вспоминает, об их горькой судьбе говорит. Я же подбором приведённых цитат хочу сказать лишь о том, что в истории не бывает всё окрашено одним цветом. Тем более в сложные, переломные моменты для существования страны.

БОЛЬШОЙ КАПИТАЛ НЕ ИМЕЕТ ОТЕЧЕСТВА

Мемуары «Из моей жизни» Эриха Хонеккера

Для того, чтобы лучше знать историю порой следует читать, казалось бы, совсем «необязательные» книги. Но и в них можно почерпнуть много интересных и даже важных фактов.

В 1980 году в Берлине (а в СССР в 1982 году в издательстве «Политиздат») вышла книга воспоминаний председателя государственного совета ныне не существующей Германской Демократической Республики Эриха Хонеккера «Из моей жизни». Меня в мемуарах партийного функционера интересовал, главным образом, период его молодости, который пришёлся на становление в Германии власти фашистов. Хотелось обнаружить параллели с теми событиями, которые происходили и происходят сейчас на территории Украины уже в XXI веке. И такие параллели нашлись.

Будущий генеральный секретарь Центрального комитета социалистической единой партии Германии вспоминает слова, произнесённые в рейхстаге 18 апреля 1913 года Карлом Либкнехтом о династии немецких промышленников Штуммов: «Мы никогда не сомневались в том, что капитал не признаёт отечества...»

Концерн Штумма (в это металлургическое предприятие был вложен и французский капитал) одновременно поставлял «броневые плиты и броневые башни для строительства военно-морского флота Кайзера Вильгельма и изготавливал оружие для Франции, которая в собственной патриотической газете «Пост» называлась «заклятым врагом» Германии. Потому о капитале Либкнехт и говорил – «он тем менее патриотичен, чем больше заявляет о своём патриотизме».

В итоге в Первой мировой войне Берлин потерпел сокрушительное поражение. Обманутый народ бедствовал. Это были те самые люди, которые воевали ради получения гигантской прибыли сталелитейными гигантами.

«Кто хотел бы знать, как мы жили в те трудные в экономическом отношении послевоенные годы, – пишет Хонеккер, – пусть ознакомится с приведёнными в книге Рюле данными (Отто Рюле «Пролетарский ребёнок», 1922 г. Мюнхен – В.С.): в Нюрнберге в мае 1921 г. 16,8% из 46638 учащихся народных школ не имели обуви... В феврале 1920 г. свыше 200 тыс. из 3,3 млн школьников в крупных городах Германии были больны туберкулёзом...»

На такой социальной почве стал взращиваться в Германии фашизм. С теми, кто был против, последователи идей Гитлера поступали жестоко.

«...Йозеф Геббельс, бывший с конца 1926 г. «гаулейтером» гитлеровской партии в Берлине, в воскресенье 20 марта 1927 г. (...) стянул к вокзалу (Берлин-Лихтерфельде – В.С.) более 500 фашистских громил, чтобы встретить пассажирский поезд, в котором в город с экскурсии возвращались 23 участника музыкального взвода Союза красных фронтовиков. Когда поезд подошёл к перрону, Геббельс отдал приказ обстрелять из револьверов вагон... Потом его террористические группы с ножами и кастетами перешли к рукопашной...»

Тут уже прямая параллель с будущими событиями в Одессе 2014 года. Те, кто сжигали и убивали людей в Доме профсоюзов, твёрдо знали, с кого надо брать пример.

Но продолжаю читать мемуары Э. Хонеккера.

Как совершенно определённым предупреждением на будущее, то есть нам, тем, которые будут жить в XXI веке, звучит такое признание перед международным трибуналом в Нюрнберге банкира Курта фон Шрёдера: «Когда НСДАП потеряла 6 ноября 1932 года свою первую неудачу и, таким образом, её взлёт прекратился, поддержка со стороны германской экономики стала ей особенно необходимой. Тогда промышленные воротилы и банкиры подали петицию президенту Гинденбургу, в которой потребовали назначить рейхсканцлером Гитлера. И это произошло.

Хонеккер утверждает – этого бы не произошло «без согласия определённых кругов Североамериканской финансовой олигархии», у которой немецкие банкиры были в должниках. Иными словами – нет в истории ничего такого, что бы уже когда-то (наподобие) не происходило.

Но вот развязана Вторая мировая война, на которой тот же капитал зарабатывает свои барыши. Подготавливаясь к ней, «саарские стальные короли» наживались как на поставках оружия фашистской Германии, так и остались «основными поставщиками орудийных башен и другого вооружения для французской линии Мажини», – пишет Э. Хонеккер.

Ну, и последняя цитата на тему, близкую к сегодняшним украинским событиям.

«В последние месяцы и недели перед сокрушительным поражением фашисты в областях, которые теперь входили в советскую оккупационную зону, уничтожили или угнали на Запад две трети локомотивов и почти 60% пассажирских вагонов. (...) Проезжая через западные зоны, я видел и там разбомбленные дома и предприятия, взорванные мосты и дороги. Но теперь подтвердилось то, что я уже знал из сообщений: эти разрушения были далеко не столь опустошительными, как в крупных районах советской оккупационной зоны. Там фашистский вермахт и части СС «до последней минуты» оказывали наступавшей Красной Армии ожесточённое сопротивление, без разбора разрушая мосты, шоссе и железные дороги, предприятия, электростанции, различные коммунально-бытовые сооружения. Красная Армия должна была найти здесь только «выжженную землю». К тому же, США и Великобритания в последний год войны концентрировали налёты своей авиации именно на тех районах, которые, согласно союзническим соглашениям подлежали оккупации советскими войсками.»

В завершение всей этой истории, «несмотря на протесты Советского Союза и в нарушение решений союзного Контрольного Совета 1 января 1947 года Британская и американская зоны оккупации были объедине-

ны в Бизонию; затем был учреждён экономический совет Бизонии. То были первые шаги к созданию сепаратного западногерманского государства. Окончательно оно было создано в сентябре 1949 года под названием Федеративная Республика Германии. Этот же принцип расчленения бывших единых стран англосаксы используют в Корее, Вьетнаме (тут потерпели неудачу и с помощью СССР страна воссоединилась), Югославии... Теперь всё чаще стали появляться предложения о подобной «заморозке» конфликта на Украине. Чем подобное может обернуться, не трудно догадаться – очередным обманом со стороны Запада.

Итак, Германия разделена. Что дальше? Эрих Хонеккер вспоминает:

«В лице ФРГ нам противостояло государство, правящие круги которого считали, что развал ГДР или её насильственное присоединение к Западной Германии в результате внутренних кризисов – всего лишь вопрос времени... Сильное давление на ГДР оказывали западные державы, прибегая к дипломатической блокаде, пытаясь её изолировать...»

В первую очередь, как и против СССР, против ГДР была применена экономическая блокада – излюбленный метод борьбы Запада с непокорными странами и народами. Две части немецкого государства были теснейше связаны производственными цепочками, сырьевыми поставками, транспортной инфраструктурой.

«В первом полугодии 1951 г. Она (ФРГ – В.С.) сократила объём торговли с ГДР до 200 млн марок. Ко второму полугодию 1952 года он составлял всего лишь 9 млн. (...) В прошлом товарооборот (между этими территориями Германии – В.С.) составлял 6-8 млрд марок».

Правда – как всё узнаваемо в отношениях Украины с Донбассом. В данном случае меня не столько интересует фигура Эриха Хонеккера, сколько тенденция, по которой Запад неизменно достигает своих результатов. Мы просто обязаны иметь это в виду.

В отношении восточной части Германии Запад успешно свои планы реализовал, легко отказавшись от всех подписанных договоров и соглашений. В том числе от Хельсинского акта 1975 года, в котором признавалась незыблемость границ в послевоенной Европе. Тогда его на равных подписали и федеральный канцлер Гельмут Коль, и первый секретарь ЦК СЕПГ Эрих Хонеккер.

Что произошло после этого через пятнадцать лет – мы знаем. Такова цена всех подписанных с Западом «бумажек».

РУСОФОБИЯ ГЕРОЕВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.Ф. ПИСЕМСКОГО И Н.С. ЛЕСКОВА

Роман «Люди сороковых годов» и повесть «Заячий ремиз»

Совсем короткая реплика по поводу огромного романа А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов» и небольшой повести Н.С. Лескова «Заячий ремиз».

Конечно, по всему похоже, что это не лучший роман Алексея Феофилактовича, да и не законченный он, по сути, в завершающей части по языку довольно небрежен, что вообще-то не характерно для этого писателя.

Об истории создания произведения каждый может прочитать сам, найдя необходимые материалы в интернете.

Слишком в лоб в романе подаются либеральные идеи тех лет через размышления учителя математики в гимназии Николая Сильча Дрозденко и через сочинение главного героя повествования Павла Вихрова «Случайный человек», где, конечно же, «народы образованные более всего ценят в гражданах своих достоинства. (В пример приводится Греция – В.С.) У народов же необразованных гораздо более успевают лезть и низость...» (С намёком, естественно, на общество в России.) Кстати, выпишу-ка я одно замечание в повествовании от автора.

Оно касается именно Николая Сильча – «...был заклятым хохлом и в душе ненавидел всех москалей вообще и всякое начальство в особенности». Начальство, понятно, самодержавной России.

В другом месте автор даёт высказаться уже самому Дрозденко:

«А кто, паря, больше их (московских князей – В.С.) бултыхался и кололся лбом в Золотой Орде и подарки там делал?..» И в итоге своей довольно злобной тирады заключил: «Государство ваше Российское – вот взять его, зажечь с одного конца да и поддуть в меха, чтобы сгорело всё дотла!»

Ну, а в завершение разговора с Павлом, при прощании высказал самое важное и наболевшее: «...помните, что каждый камешек его (Московского Кремля – В.С.) поспел и положен по милости татарской, а украинцы так только бились с ними и проливали кровь свою...».

Выходит, А.Ф. Писемский всю эту националистическую гадость не сумевшего создать своего государства «братского народа» знал в шестидесятых годах девятнадцатого века (именно тогда писался роман), а нынешние «политологи» продолжают трещать о 2014 году – рубеже, где вольные украинцы разочаровались в русских, посмеявшись воспротивиться запрету их языка и не принявших бандеровскую (считай националистическую, нацистскую) идеологию.

Я показал, как некоторые герои романа, созданного А. Ф. Писемским, говорят о русских. Теперь добавлю к этому изречения из повести «Заячий ремиз» Н.С. Лескова. Главный её герой Оноприй Опанасович Перегуд не единожды в длинном своём рассказе о прошлом затрагивает «межнациональный вопрос». Первый раз это звучит так:

«Старый пан Опанас был уж такой человек, что если он что-нибудь делал, то всегда делал на славу; а как он был огромный и верный борец за «православную веру», то и терпеть не мог никаких «недоверков» – и добыл в Перегуды такого отца (имеется в виду священника – В.С.), который не потерпел бы ни люторей, ни жидов, ни – боже спаси – поляков. Если совсем правду сказать, то оба они не очень-то уважали и господ москалей и даже постоянно не иначе их называли, как «чертовы дети», но, чтобы не накликать этим к себе «москаля на двор», – они в открытую борьбу с москалями не вступали, а только молились тихо ко господу, щобы их «сила божа побила»».

Затем по этому вопросу показателен разговор Оноприя Опанасовича с местным владыкой:

«...как вдруг я сам был позван непосредственно к самому губернатору, и тот меня спрашивает наедине про такую поэзию: знаю ли я песню: «Кольсь було на Україні добре було житі?»»

Я отвечаю:

– Прекрасно знаю, ваше превосходительство.

– А почему вы ее знаете?

– А потому, – говорю, – знаю, что у нас ее люди співають.

(...)

– А слова какие: «добре було жити, як не знали наши діды москалям служити?» Так это?

– Точно так, – отвечаю с удивлением и докладываю, что таких пісен у нас много еще, а бывает и то, що еще и теперь люди новые пісни слагають».

Стоило ли мне, совсем молодому парню, служившему в Советской Армии в середине семидесятых годов прошлого века удивляться (смотри мою повесть «Гауптвахта», журнал «Москва» № 6, 2023 г.), что подавляющее большинство украинских новобранцев оказалось пропитано духом «русоненавистничества». И, честное слово, нелепо звучит многократно произносимое из теперешних СМИ заклинание о «братстве» и прочем. Братстве с чьей стороны?

Интересно было бы об этом братстве прочитать, когда оно высказано украинским народом в отношении русских. Ведь и Писемский, и Ле-

сков, вкладывая подобные высказывания в уста созданных ими героев в своих художественных произведениях, не «опасались, что их обвинят во лживом и пристрастном освещении событий». Потому что в те давние годы ни у кого не вызывало сомнения, что среди обывателей южных губерний Российской империи такие настроения существуют и даже преобладают.

Другое дело – относились к ним снисходительно и даже насмешливо. Теперь мы знаем, до чего довела эта снисходительность.

БОГ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ И ПОТОМУ СМЕРТЬ – ТАКОЕ ЖЕ БЛАГО, КАК И ЖИЗНЬ

По книге «Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями»

Много раз мне приходилось объяснять авторам, приходившим ко мне с рукописями, что намного важнее их опубликовать в каком-либо литературном журнале (желательно – в авторитетном, с прошлой, ещё советской, историей), чем выпустить самостоятельной отдельной книжкой. Книжку прочитают в лучшем случае знакомые, но в литературный оборот она никак не попадёт. Другое дело журнал. К ним у нас традиционно пиететное отношение, в профессиональной среде за ними следят, и если даже не прочитают полностью произведение нового, неизвестного автора, то почти наверняка в него «заглянут», новое имя запомнят и уже в дальнейшем будут за ним следить. Эту мысль я ни у кого не слышал, нигде не вычитал, пришёл к ней самостоятельно – интуитивно и исходя из опыта.

Но вот читаю в книге «Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями» такое в послании С.Н. Толстого к Льву Николаевичу от 12 апреля 1853 года. У Л.Н. Толстого в «Современнике» уже опубликовано «Детство» (в № 9 за 1952 г. – повесть вышла под редакторским названием «История моего детства») и «Набег». В своём письме Сергей Николаевич, вспоминая про роман, над которым в то время работал Толстой («Роман русского помещика» – произведение осталось незаконченным), спрашивает: «Когда выйдет твой большой роман с твоей подписью и где ты его хочешь напечатать? Мне многие говорят, что в журнале лучше, ибо отдельные издания очень туго расходятся, особенно же твоё имя в первый раз будет в печати, но опять тебе это знать лучше». Вот так – даже автору очень тепло встреченной повести близкие не рекомендовали со следующим произведением выходить отдельной книгой.

Но вообще не очень весёлое у меня складывалось впечатление от прочтения поначалу первых 220 писем в книге «Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями».

Что я хотел почерпнуть из этого тома?

В первую очередь – как воспринимали самые близкие и родные люди писателя его творчество, какое на них произвели впечатления его произведения, как наблюдали за созданием великих творений классика русской литературы, зарождением сюжетов его повестей и романов, социальных идей, изменением мировоззрения... Да мало ли что интересного могло открыться в интимной, сокрытой, откровенной переписке гения с дорогими сердцу братьями и сестрой.

Что же я к концу 1865 года узнал (уже пишется «Война и мир», заканчивается издание педагогического журнала «Ясная поляна», которое, по словам Льва Николаевича, принесло ему 3000 рублей убытка)? А то, что служба на Кавказе, Лев Николаевич благополучно излечился от венерической болезни и бесконечно страдал от карточных долгов; Мария Николаевна вынуждена оставить мужа, а затем за границей в Женеве от виконта Гектора де Клена родить внебрачную дочь; что Сергей Николаевич, живя в незаконном браке, стал отцом детей, но затем дважды делал предложение Т.А. Берс (сестре супруги Л.Н. Толстого – Софьи Ан-

древсны) и малодушно от него уклонялся... Ну и бесконечные денежные расчёты, пересылки разных сумм, погашение долгов, хозяйственные заботы, охоты. Из оставшихся позади 220 писем только, наверное, в десяти упоминаются произведения Л.Н. Толстого, говорится об их прочтении и отзывах на них знакомых и друзей.

К чему я всё веду? Да, в общем-то, к банальному замечанию – творец в своих поисках и трудах всегда одинок. Даже самые близкие и любимые люди не в состоянии постичь эти труды, попытаться проникнуться ими, искренне ими заинтересоваться, так, чтобы всё мелочное и бытовое ушло на второй план. Нет, всё бытовое всегда у них будет на первом месте.

Творчество человеку даётся свыше, и с этим даром он безмерно одинок – как бы не от мира сего, который живёт иными интересами и заботами.

И только к концу жизни содержание писем несколько меняется. Перед сестрой и братьями встают иные вопросы, которые требуют погружения в заботы собственных душ.

Из письма № 326 Толстого – С.Н. Толстому 1882 года.

«А убеждения, касающиеся моей души, никому не могут быть противны, потому что они состоят в том, чтобы всем уступать и всем делать приятное. И я точно отказываюсь от всего, что не имеет этой цели».

Из письма № 330 от 16 декабря 1889 года. Белев. М.Н. Толстой – Толстому.

«Ты же ничего этого не признаёшь, но ты ведь признаешь, что нужно отречение от всего пустого, суетного, лишнего, что нужно работать над собой, чтобы исправить свои недостатки, побороть слабости, достичь смирения, бесстрастия, то есть возможного равнодушия ко всему, что может нарушить мир душевный. В миру я не могу этого достичь, это очень трудно... Ведь мы о монастырях понятия не имеем... Молитва в церкви, вместе со всеми, тишина, вид этих монахинь... – всё это как-то натягивает струны, приходишь домой в хорошем настроении, с которым надо обходиться бережно, и если удастся его сохранить и возобновлять почаще, то поверишь во многое такое, во что ты, к несчастью, не веришь, поверишь, что есть благодать, которая нас животворит и помогает духу брать перевес над телом».

Из письма № 358 от 1 мая 1899 года из Ясной Поляны Толстого – С.Н. Толстому.

«Чем больше живёшь, тем больше убеждаешься в том, что ум люди употребляют только на то, чтобы оправдывать свои безумные поступки. И скучно смотреть на всю эту царствующую чепуху, и хочется поскорее уйти, и получить новое назначение в такое место, где не так ясно будешь видеть всю нелепость людской жизни. Утешаешься тем, что если видишь нелепость, то обязан указать её другим, и что в этом твоё дело».

Из письма № 368 от 13 ноября 1990 г. из Ясной Поляны Толстого – С.Н. Толстому.

«Утешение только в Боге. Так неприятно повторять эти избитые слова, а между тем это одно, что можно сказать: то есть перенести свою жизнь в такую область, где важно только одобрение или неодобрение Бога, а не людей... потому что всякое несчастье пригоняет к этому (к Богу), заставляя это сделать. И когда это делается, то несчастье с излишком вознаграждается. С Богом лучше жить, чем с людьми: Он и разумнее, и добрее, и всё знает».

И вот Закончено чтение более чем пятисотстраничного тома переписки Толстых. Вот как можно разбить по периодам узnanную жизнь графского рода (исключая уж совсем ранние годы жизни) исходя из их писем друг к другу: молодость – страсти и забота о погашении карточных и иных долгов, наделанных за границей (в том числе и от игры в рулетку); зрелость – трудности в семейной жизни и в определённой мере расплата за «ошибки молодости»; погашение долгов друг перед другом

и занимание денег друг у друга; старость – болезни, думы о смерти и, наконец-то, интерес к писательским трудам Льва Николаевича, к его «общественной жизни». Впрочем, и тут это большей частью только названо, без глубокого проникновения. Вот и вся человеческая жизнь для взгляда со стороны – если судить о ней по переписке, совершавшейся всю жизнь между родными людьми.

Но ведь будь иначе, другое было бы и содержание писем. Ведь это был единственный способ общения (за исключением личных встреч) между родными людьми.

Все Толстые в конце жизненного пути пришли к Богу. Все задумались о том, что там – дальше, за гранью.

«Главное то, что готовлюсь к смерти, то есть к другой жизни, и приготовление это состоит в том, чтобы в это остаточное время прожить по-лучше и понять, что можно. Я думаю, что там всё это пригодится» (№ 402 от 23 февраля 1903 года из Ясной Поляны Толстой – С.Н. Толстому).

«Думаю, что как естественно молодым радоваться, что они растут, так нам радоваться, что мы разлагаемся, что уничтожаются те пределы (границы), которые держат нас в таком узком существе, как человек» (№ 407 от 1 апреля 1903 года из Ясной Поляны Толстой – С.Н. Толстому).

«В одном желал бы уверить тебя, что страдания перед смертью, наступая постепенно, не так страшны, как нам кажется, а что после смерти нас ничего не может ожидать, кроме хорошего» (№ 422 от 9 октября 1903 г. Из Ясной Поляны. Толстой – С.Н. Толстому).

«Трудно умирать без простой мужицкой веры, а её ни за какие сокровища нельзя получить. Философии же для того, чтобы было легко умирать, мало... но миллиарды миллиардов через это прошли, и надо присоединиться к большинству» (№ 428 от 27 февраля 1904 года из Пирогова С.Н. Толстой – Толстому).

«Часто смерть становится почти желанной. Так хорошо на душе и так веришь в благодать Того, в ком живёшь, и в жизни, и в смерти» (№ 425 10 апреля 1907 г. Из Ясной Поляны Толстой – М.Н. Толстой).

«Ты пишешь о твоём хорошем и покойном чувстве, что, когда ты думаешь о смерти, тебе так хорошо на душе. А я этому чувству не доверяю – оно обманчиво... Но ежели ты в НЕМ, то ОН в тебе не может не быть» (№ 436 от 25 апреля 1907 г. Из Шамордина М.Н. Толстая – Толстому).

«В наши года, когда живо чувствуешь близость смерти – возвращения к тому, от кого изшёл, жизнь становится и спокойнее, и прямо скажу, радостнее, потому что любовнее. Я с каждым днём всё яснее и яснее чувствую это и благодарю за это Бога». (№ 437 от 16 декабря 1907 года из Ясной Поляны Толстой – М.Н. Толстой).

«Чувства мои стали как-то мягче, я не знаю, как это назвать – любовь или что другое. Мне всех как-то жалко, иногда это чувство так во мне сильно – до слёз; иногда гляжу на кого-нибудь, даже не симпатичную, и мне её вдруг так сделается жалко... Что касается до чувства близости смерти, мне кажется, чем дольше живёшь, тем менее хочется умереть, не от привязанности к жизни, а оттого, что тем более понимаешь, как нужно жить, и что нужно в себе побороть, чтоб проложить себе туда дорожку, а на это надо время, и чувствуешь, как это трудно, и без Божией помощи ничего не сделаешь, одного раскаяния не довольно, а нужно покаяние – оно одно только может нам отворить ворота к милосердию Божию, и как сильно тогда во мне чувство своей ничтожности и беспомощности ужасной». (№ 438 от 26 декабря 1907 г. Из Шамордина М.Н. Толстая – Толстому).

«...Приближаясь к смерти, которую надеюсь встретить с благодарностью Богу, за данную мне жизнь и с полной уверенностью в то, что Бог есть любовь и что потому и смерть – такое же благо, как и жизнь...» (№ 443 от ноября 1909 г. Из Ясной Поляны Толстой – М.Н. Толстой).

Ну и хватит, пожалуй, цитировать. Никакие слова эту тайну открыть не в состоянии.